

- Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. М.: Детская литература, 1971. 320 с.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Полдень XXII век. М.: Детская литература, 1967. 320 с.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Попытка к бегству. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=35287&p=1> (дата обращения 20.09.2022).
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом // Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света: Повести. М.: Советский писатель, 1985. С.257-414.
- Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=86736&p=1> (дата обращения 20.09.2022).

Библиографический список

- Березин, В. Необычайное: Критика, публицистика, эссе. СПб: Аураинфо, 2021. 498 с.
- Дубин, Б. Литература как фантастика: письмо утопии // Дубин, Б. Слово - письмо – литература: Очерки по социологии современной литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.20-41.
- Бритиков, А.П. Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука, 1970. 447 с.
- Лотман, Ю. М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гносис, 1994. С.432-441.
- Саморукова, И. «Эффект реальности» в научно-фантастической литературе // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема. Самара: Самарская гуманитарная академия 2020. С 311-316.
- Скаландис, А. Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008. 702 с.
- Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги. Русское феноменологическое общество, 1997. 144 с.

А.Е. Сериков

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aeserikov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4213-8089>

Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер»)⁶

Аннотация: В статье оспаривается утверждение Н. Фрая и Ц. Тодорова, что литература создаётся только на основе литературы. Именно реальность, в конечном счёте, является источником художественных произведений. Реалистические описания вполне могут присутствовать в фантастических произведениях, и большинство читателей интуитивно понимают, какое из описаний является реалистическим, а какое – фантастическим. Но для

⁶ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Сериков А.Е. Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер») // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №3. С. 32-38.

ИИ это довольно трудная задача. Для того чтобы обучить ИИ лучшему пониманию текстов, необходимо исследовать, как сами люди строят свое понимание того, о чём в тексте прямо не говорится. В статье приводится описание метода поведенческого анализа текстов и пример анализа фантастического рассказа. Он показывает, что значительная часть знания о персонажах, их состоянии, обстоятельствах и формах поведения извлекается на основании здравого смысла как нечто само собой разумеющееся для человека данной культуры, но не для представителя другой культуры или компьютерной программы. Это касается и различия между реальными и фантастическими событиями. Для того чтобы ИИ понимал смысл описываемых событий, он должен уметь опираться на знание здравого смысла, извлекать уместные для того или иного контекста суждения здравого смысла и делать на их основании соответствующие выводы.

Ключевые слова: поведение человека, реализм, научная фантастика, здравый смысл, анализ текстов, искусственный интеллект.

Вопрос о соотношении фантастики и реальности

Реалистическую художественную литературу можно и нужно использовать как эмпирический источник для исследования человеческого поведения. Это связано с тем, что традиционных научных данных, в которых подробно фиксируются результаты наблюдений и экспериментов, явно не хватает для создания теории поведения вообще, а не только теорий отдельных видов поведения, таких, как информационное, потребительское или электоральное. Художественные же описания охватывают весь спектр человеческого поведения, и писатели являются не худшими, а порой и лучшими наблюдателями, чем профессиональные ученые. Можно пойти дальше и использовать в качестве источника эмпирических данных о поведении не только реалистическую, но и фантастическую литературу. Но предварительно следует уточнить, чем фантастические описания отличаются от реалистических и каким образом мы во время чтения их различаем.

Ранее мной высказывалась идея о том, что теория поведения может строиться на основе идей Курта Левина о существовании форм поведения и понимании поведения как функции человека и его среды (Сериков 2020), (Левин 2000, 2001), (Lewin 1935).

При этом для эффективного анализа большого объема художественных текстов необходимо этот анализ автоматизировать путем создания и обучения специальных искусственных нейронных сетей (Сериков 2018), (Serikov 2022). Я думаю, что эта задача может быть решена в ближайшем будущем. Однако в контексте возможного анализа не только реалистической, но и фантастической литературы возникает дополнительный вопрос: каким образом уже не человек, а компьютерная программа могла бы отличать фантастическое описание от реалистического?

Проблема различения реалистического и фантастического тесно связана с изначальной идеей о том, что в художественных произведениях можно найти реалистические описания, что художественные описания в принципе можно использовать как источник сведений о реальном поведении. Кому-то такая предпосылка покажется само собой разумеющейся, но многие с ней не согласятся. Так, Цветан Тодоров в своем классическом исследовании фантастики как жанра отталкивается от книги Нортропа Фрая «Анатомия критики» и приводит ряд его тезисов, в частности такой: «Литература создаётся на основе литературы, а не реальности, будь то материальная или психическая реальность; всякое художественное произведение конвенционально» (Тодоров 1999, с.13).

Судя по тому, что Тодоров этот тезис не критикует, он и сам его разделяет. Но при этом он строит свой анализ фантастики на противопоставлении естественного и сверхъестественного. Согласно Тодорову, фантастический жанр требует выполнения трех условий: «Прежде всего, художественный текст должен заставить читателя рассматривать мир персонажей как мир живых людей и испытывать колебания в выборе между

естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий. Далее, такие же колебания может испытывать и персонаж; таким образом, роль читателя как бы доверяется персонажу, и одновременно сами колебания становятся предметом изображения, одной из тем произведения; в случае наивного прочтения реальный читатель отождествляет себя с персонажем. И, наконец, важно, чтобы читатель занял определенную позицию по отношению к тексту: он должен отказаться как от аллегорического, так и от "поэтического" толкования» (Тодоров 1999, с.31).

Различение естественного и сверхъестественного предполагает, что одним из источников текста является реальность. Поэтому, если Тодоров разделяет тезис о том, что литература не создается на основе реальности, он противоречит самому себе. Я оспариваю утверждение, что литература создаётся только на основе литературы. Именно реальность является источником художественных произведений, что не исключает, что этот источник может быть опосредован художественными произведениями. Писатель, хочет он того или нет, не может избежать наблюдения за реальностью. При этом художественные тексты – лишь часть реальности. Все писатели наблюдают как за психической реальностью, так и за материальной. Писатели отличаются друг от друга тем, в какой мере они опираются на произведения других писателей, а в какой – непосредственно описывают то, что наблюдают в обществе, культуре, природе и в своей душе. Но избежать наблюдений полностью никакой писатель не сможет.

Я думаю, что фантастику как жанр можно противопоставить реализму, имея в виду, что в фантастических повествованиях могут быть описаны явления и события, которые по каким-либо причинам не наблюдаются в нашем мире, т.е. не являются реальными. Причины могут быть разные: возможные иные законы природы, будущие научно-технические открытия и изобретения, воображаемые культурные и социальные инновации, различные эпидемии или катастрофы и т. п. При этом реалистические описания вполне могут присутствовать в фантастических произведениях, и большинство читателей интуитивно понимают, какое из описаний является реалистическим, а какое – фантастическим.

Если попросить человека разбить фантастический текст на реалистические и фантастические составляющие, он довольно легко может с этим справиться. Но довольно трудно написать алгоритм, который сможет справиться с этой задачей. Видимо, единственный существующий сегодня способ автоматизировать процесс разбиения текста на реалистические и фантастические фрагменты – это обучить искусственную нейронную сеть на основе текстов, проанализированных живыми людьми. Однако не вполне понятно, как сами люди могут это делать, на чём именно может быть основана их интуиция.

Ниже я хочу рассмотреть данный вопрос на примере анализа небольшого конкретного фантастического текста. Моя идея очень проста: я хочу попробовать явным образом выразить то, что при понимании текста воспринимается как само собой разумеющееся знание, эксплицировать основанные на этом знании имплицитные выводы.

Текст, контекст и здравый смысл как источники понимания рассказа

Для того чтобы пояснить свои идеи на конкретном материале, мне нужно было выбрать для анализа некоторый фантастический текст. Ввиду тематики «Лемовских чтений» нужен был хорошо известный и явным образом относящийся к жанру научной фантастики рассказ. Кроме того, в целях простоты и понятности анализа я предпочел фантастику для детей, а не для взрослых. Всем этим критериям хорошо соответствует повесть Кира Булычёва «Девочка, с которой ничего не случится» (1965), фактически являющаяся сборником коротких рассказов, объединённых общими персонажами. Далее предлагается анализ первого рассказа в этом сборнике, который называется «Я набираю номер» (Булычёв, с. 6-8).

В качестве основного инструмента я использую метод поведенческого анализа художественных повествований, про который ранее уже писал в ряде публикаций. Если

коротко, его суть заключается в том, что текст непрерывно разбивается на фрагменты, соответствующие отдельным событиям. При этом каждое событие понимается как совокупность социального *статуса* и психофизиологических *состояний* персонажа, *обстоятельств* поведения и реализуемых персонажем *форм поведения*. Некоторые из описываемых событий и их составляющих могут быть реальны, некоторые могут быть фантастическими. Т.е. чтобы проанализировать событие, следует ответить на вопросы: кто, в каком состоянии, в каких обстоятельствах, что делает; реально ли это в нашем мире? Затем следует понять, что является источником ответов на эти вопросы. Это может быть *текст*, т.е. фрагмент анализируемого текста, соответствующий данному событию; *контекст*, т.е. другие фрагменты данного текста или связанных с ним иных текстов; *здоровый смысл*, т.е. знание о само собой разумеющихся вещах, на которое мы имплицитно опираемся, но на которое обычно не обращаем внимание.

Рассказ «Я набираю номер» разбивается на 36 событий, но ввиду ограничений по объёму статьи приведу только первые девять из них:

1 // Алиса не спит. Десятый час, а она не спит. Я сказал:

– Алиса, спи немедленно, а то...

2 // – Что «а то», папа?

3 // – А то я провидеофоню бабе-яге.

4 // – А кто такая баба-яга?

5 // – Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога – страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных.

6 // – Почему?

7 // – Ну, потому что она злая и голодная.

8 // – А почему голодная?

9 // – Потому что у нее в избушке нет продуктопровода.

<...>

Далее в таблице характеризуются составляющие каждого из этих событий, включая те, которые явным образом не описаны в рассказе, но извлекаются из контекста или здравого смысла, о чём делается пометка. Если информация извлекается из текста, приводится соответствующая цитата. Если каждая составляющая события воспринимается как реальная, событие в целом помечается буквой «Р» – как реальное. Если хотя бы одна из составляющих события воспринимается как фантастическое, событие в целом помечается как фантастическое буквой «Ф» и анализируется источник этого восприятия. В случае с фантастическими неологизмами, предлагается объяснение того, как мы понимаем их значение. Кроме того, каждое событие кратко обобщено в предложении, показывающем связь отдельных составляющих. Такие предложения я называю обобщениями нулевого уровня.

№	Статус персонажа	Состояние персонажа	Обстоятельства поведения	Форма поведения	Обобщение нулевого уровня
1 Р	Папа трехлетней девочки (это следует из подзаголовка повести – "Рассказы о жизни маленькой)	Считает необходимым уложить дочь спать. Не знает точно, как это сделать.	«Алиса не спит. Десятый час, а она не спит». Ребенок, который поздно вечером должен спать, не спит. Десятый час вечера, в это время в нашей культуре принято	«Я сказал:– Алиса, спи немедленно, а то...» Говорит дочери, чтобы спала немедленно, если не хочет испытать некоторое возможное наказание. Мы это	Папа трехлетней дочери, которая не спит в десятом часу вечера, говорит ей, чтобы спала

	<p>девочки в XXI веке, записанные ее отцом"). Кроме того, далее в рассказе девочка называет персонажа "папой" (событие 18). О том, что девочке примерно 3 года, написано в предисловии [1, с. 5].</p>		<p>укладывать детей спать, даже есть устойчивое выражение «детское время кончилось». О том, что это вечер, а не утро, мы делаем вывод на основе здравого смысла, именно потому, что ребенок должен спать. Сама фраза «Десятый час, а она не спит» не имела бы само собой разумеющегося смысла, если бы события происходили утром.</p>	<p>понимаем из формы высказывания: требование что-то сделать, сопровождаемое фразой «а то...». Это форма угрозы, не наполненная конкретным содержанием. Может восприниматься как шутка.</p>	<p>немедленно, если не хочет быть наказанной.</p>
2 Р	<p>Девочка, возраст примерно 3 года. Если бы у нас не было доступа к предисловию, мы все равно могли бы сделать вывод на основе здравого смысла, что речь идет о дошкольнице или младшей школьнице: в нашей культуре более взрослых детей принудительно о спать дома обычно не укладывают (в отличие от детского лагеря, санатория или больницы).</p>	<p>Не хочет спать. Не воспринимает папину словесную угрозу всерьез, потому что не боится папу. Девочке любопытно, что же папа может сделать.</p>	<p>Мы понимаем из контекста, что папа добрый и хорошие родители не пугают своих детей всерьез. Если такому папе задать вопрос, он будет на него отвечать, а не наказывать за то, что не спишь.</p>	<p>«Что "а то", папа?» Спрашивает, а что папа сделает, если она не заснёт.</p>	<p>Трехлетняя девочка, которой папа грозит непонятным наказанием, вместо того, чтобы испугаться, спрашивает его, что именно он собирается делать.</p>
3 Ф	<p>Папа 3-летней девочки</p>	<p>Чувствует, что должен как-то сформулировать свою пусть шуточную, но всё-таки угрозу. На</p>	<p>Дочка спросила о том, что он собирается делать, если она не заснёт.</p>	<p>«А то я провидеофоню бабе яге». Отвечает дочери, что «провидеофонит» бабе-яге. То, что это</p>	<p>На вопрос трехлетней дочери о том, что будет, если она не заснёт, папа</p>

		основе здравого смысла можно предположить, что как многие родители в нашей культуре, скорее всего, он привык отвечать на детские вопросы, а не игнорировать их. Можно назвать это состоянием ответа на вопрос.		ответ, мы понимаем из грамматической структуры диалога. Пугать не желающего спать ребёнка сереньким волчком, бабаем, буги-мэном и т.п. – это стандартная практика для многих культур. Фантастическим элементом здесь является видеофон. В 1965 г. не было видеофонов. Мы это знаем из истории. Смысл слова понимаем по аналогии с "телефоном". С точки зрения словоупотребления, эта фраза и сегодня не реальна, потому что сегодня сказали бы "Соединюсь по видео" или просто "Позвоню".	отвечает, что позвонит бабе-яге.
4 Р	Девочка 3 лет	Девочке любопытно, интересно узнать, кто такая баба-яга.	До сих пор девочка не слышала про бабу-ягу. В 3 года это вполне реально.	«А кто такая баба-яга?» Спрашивает, кто такая баба-яга.	Трёхлетняя девочка, которая впервые услышала про бабу-ягу, спрашивает, кто это такая.
5 Р	Папа 3-летней девочки	Хочет уложить дочку спать, но при этом настроен отвечать на детские вопросы, привык это делать.	Дочь задала папе вопрос. Опасность злого персонажа, которым обычно пугают непослушных детей, обычно заключается в том, что он может их забрать с собой и даже съесть. Это стандартный фольклор.	«Ну, это детям надо знать. Баба-яга костяная нога – страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких детей. Непослушных». Папа выдаёт стандартную характеристику бабы-яги: ведьма, которая ест маленьких непослушных детей. При этом он намекает, что дочь – непослушная.	Непослушная трёхлетняя девочка, которая спрашивает, кто такая баба-яга, папа говорит, что это страшная, злая бабушка, которая кушает маленьких непослушных детей.
6 Р	Девочка 3 лет	Хочет знать ответы на все вопросы. Детское состояние	Ей сказали, что баба-яга ест непослушных детей.	«Почему?» Спрашивает: «Почему?»	Трёхлетняя девочка, которой папа сказал, что

		«Почему?»			баба-яга ест непослушных детей, спрашивает, почему баба-яга это делает.
7 Р	Папа 3-летней девочки	Состояние ответа на вопрос.	Дочь спросила, почему баба-яга ест детей.	«Ну, потому что она злая и голодная». Придумывает ответ: потому что она злая и голодная.	На вопрос трехлетней дочери о том, почему баба-яга ест детей, папа отвечает: потому что баба-яга злая и голодная.
8 Р	Девочка	Детское состояние «Почему?»	Папа сказал, что баба-яга голодная.	«А почему голодная?» Спрашивает: «Почему?»	Трехлетняя девочка, которой папа сказал, что баба-яга голодная, спрашивает, почему она голодная.
9 Ф	Папа	Состояние ответа на вопрос.	Дочь спросила, почему баба-яга голодная.	«Потому что у нее в избушке нет продуктопровода». Отвечает, что у бабы-яги нет продуктопровода. Смысл слова понимаем по аналогии с "водопроводом" и "газопроводом". И понимаем, что это фантастика, потому что продуктопроводов не существует. Кстати, из этого ответа мы понимаем, что у большинства людей в этой фантастической реальности в домах есть продуктопроводы.	На вопрос трехлетней дочери о том, почему баба-яга голодная, папа отвечает: потому что у неё нет продуктопровода.

Предлагаемый анализ показывает, что значительную часть знания о персонажах, их состоянии, обстоятельствах и формах поведения мы извлекаем на основании здравого смысла как нечто само собой разумеющееся для человека нашей культуры, но не для представителя другой культуры или компьютерной программы. Например, нам очевидно, что если в десятом часу девочка не хочет спать, а папа её укладывает, события происходят вечером, а не утром. Компьютерная программа не смогла бы сделать этот вывод, если бы не была специально на это натренирована. Но для того, чтобы поставить перед ней такую

задачу, нам нужно самим обратить на это внимание, а ведь мы подобные выводы большей частью делаем совершенно бессознательно. Это касается и такой характеристики описываемых в художественных произведениях событий, как их реальность.

Заключение

Все, что мы говорим или пишем о реальности, мы знаем из наблюдений за реальностью. Большинство наблюдений зафиксированы письменно, но из этого не следует, что описания наблюдений строятся исключительно на основе других описаний наблюдений. Знание того, что реально, а что нет, – это часть здравого смысла. И одна из проблем заключается в том, чтобы эксплицировать, каким образом мы узнаём, что реально, а что нет. Что является источником этого знания, где оно хранится, как мы делаем выводы о реальности? Возможный ответ: мы опираемся на память о том, с чем сталкивались в своем опыте или в рассказах других о том, что было реальным в их жизни. Возможно, память о любом опыте или рассказ о любом событии сопровождается пометкой о том, было оно реальным или только воображаемым.

Моя интерпретация проанализированного текста не является единственно возможной. Она основана на здравом смысле, как понимаю его я в качестве носителя русского языка и представителя современной русскоязычной культуры. Другому русскоязычному читателю некоторые элементы этой интерпретации могут показаться спорными. Здравый смысл существует по большей части неявно и распределённо, он специфичен для каждого носителя культуры. В качестве научного факта те или иные суждения здравого смысла могут быть зафиксированы только как статистические обобщения по результатам репрезентативного исследования, как некоторые языковые и культурные типы. Таким образом, мной представлен лишь один из возможных вариантов анализа. Тем не менее он наглядно показывает, что даже в таком простом тексте огромное количество информации даётся неявным образом и понимание событий основывается на многих предпосылках, кажущихся само собой разумеющимися. Если бы не данный эксплицитный анализ, обычный читатель даже и не задумался бы о том, каким именно образом, на основании каких предпосылок и в результате каких умозаключений он понимает этот рассказ.

Из этого же следует и один из важнейших аспектов проблемы обучения систем искусственного интеллекта пониманию человеческих историй. Для того чтобы искусственная нейронная сеть могла понимать смысл событий, она должна распознавать не просто слова и грамматические формы, но статусы персонажей, их состояния, обстоятельства действия и формы поведения. А для этого она должна каким-то образом опираться на знание здравого смысла, извлекать уместные для того или иного контекста суждения здравого смысла и делать на их основании соответствующие выводы. Я надеюсь, что представленный мной анализ поможет авторам и тренерам систем ИИ более точно сформулировать стоящие перед ними задачи.

Библиографический список

Lewin K. A Dynamic Theory of Personality. Selected Papers. New York: Mcgraw-Hill Book Company, 1935. — 286 p. URL: <https://ia802307.us.archive.org/13/items/dynamictheoryofp032261mbp/dynamictheoryofp032261mbp.pdf> (дата обращения: 10.01.22).

Serikov A.E. Analysis of Human Behavior as a Condition for Creative Artificial Storytelling. In: Bylieva D., Nordmann A. (eds) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 345, pp. 449-461. Cham: Springer, 2022. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_38 (дата обращения: 10.01.22).

Булычёв К. Девочка, с которой ничего не случится // Девочка с Земли (сборник). Москва: Эксмо, 2007. 512 с. С. 5-26.

Левин К. Динамическая психология. Избранные труды / Под ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. 572 с.

Левин К. Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. Е. Сурпиной. СПб.: Речь, 2000. 368 с.

Серииков А.Е. Интерпретация поведения персонажа художественного нарратива: разметка текста и ситуативный анализ // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв.ред. И.В. Демин. Самара: Сам. гуманитар. акад., 2018. С.255-261. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Istoriya-Semiotika-Kultura/Interpretaciya-povedeniya-personazha-hudozhestvennogo-narrativa-razmetka-teksta-i-situativnyi-analiz-74239/1/%d0%a1%d0%b5%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%be%d0%b2%20%d1%81.%20255-261.pdf> (дата обращения: 10.01.22).

Серииков А.Е. Концептуальный конструкт «поведение» в теории поля Курта Левина // Гуманитарный век-тор. 2020. Т. 15, № 4. С. 180–187. URL: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-180-187> (дата обращения: 10.01.22).

Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Пер. с франц. Б. Нарумова. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.

Е.А. Смердова

кандидат филологических наук, доцент кафедры
романо-германских языков и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Российская Федерация

E-mail: smerdowa.ekat@yandex.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6896-4864>

Семиотический потенциал безумия: моделирование расстройства мышления как способ создания фантастической текстовой картины мира (на материале текстов С. Лема)⁷

Аннотация: тема расстройства мышления нередко в литературе и используется в различных целях: от передачи различия между внутренним миром героя и внешним до создания гипертекстовой, многослойной картины мира. С. Лем использует прием передачи расстройства мышления для создания «фантастичности» повествования, текстового мира, кардинально отличающегося от действительности. На примере таких знаковых в этом плане произведений, как «Звездные дневники Ийона Тихого», «Сказки роботов» и «Футурологический конгресс» мы впервые рассмотрим конкретные случаи отражения различных форм расстройства мышления в целях создания фантастической текстовой картины мира. В частности, нас будет интересовать характер знаков, индексальных, иконических и символических, позволяющих автору формировать фантастический текстовый мир. Так, в диалоге Ийона Тихого с продавцом сепулек можно усмотреть пример так называемой разорванности мышления, характеризующейся неправильным, необычно парадоксальным сочетанием представлений, когда отдельные понятия без всякой логической связи нанизываются друг на друга. В результате возникает бессвязная, на грани понимания цепочка из таких понятий, как сепульки, сепулькиариум, сепуление, качеш. Семиотический потенциал этих индексальных знаков заключается в

⁷ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Серииков А.Е. Фантастика как источник реалистического описания поведения (на материале рассказа Кира Булычёва «Я набираю номер») // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №3. С. 61-68.